

УДК 341.231.14:398.2(470)
DOI: 10.35853/vestnik.gu.2022.2(37).06

Социальный статус и правосубъектность героев русских народных сказок

Юлия Евгеньевна Попова

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме отражения прав человека в русских народных сказках. Постулируется, что элементами правосубъектности в русских народных сказках являются: статус субъекта, его право на личную свободу, основные права и обязанности в отношении других лиц, его положение в социальной иерархии, личные права, имущественные права, права и обязанности по отношению к государственной власти, возможные способы защиты своих прав. Делается вывод о том, что русские народные сказки в высокой степени персонифицированы: в центре сюжета всегда находится герой, обладающий широкой гаммой индивидуальных качеств, имеющий яркое описание. Русские народные сказки показывают полную противоположность выделяемым некоторыми исследователями архетипам соборности и симфонической личности. Обосновывается тезис о развитости личностного начала в русских народных сказках, что говорит о включенности русской культуры (и правовой культуры, в частности) в общеевропейскую культуру. Феномен универсальных общечеловеческих прав человека (выражаясь современным языком и учитывая несформированность данного института на ранних этапах человеческого развития) в полной мере отражается в сюжетах русских народных сказок. На основе анализа сюжетов русских народных сказок делается вывод о том, что социальная дифференциация и объем правосубъектности героев в значительной степени зависят от жанра сказки.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, правосубъектность, права человека, социально-правовой статус

Social Status and Legal Personality of Russian Folk Tales Characters

Yulia E. Popova

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper deals with the problem of human rights reflection in Russian folk tales. The author states that the subject's status, his right to personal freedom, basic rights and obligations with regard to other individuals, his place in social hierarchy, personal rights, property rights, rights and obligations with regard to state powers, possible ways to defend his rights act as elements of legal personality. The author concludes that Russian folk tales are highly personified: there is always a character who possesses a wide range of personal features and whose description is lively and colorful. Russian fairy tales demonstrate a striking contrast to the archetypes of communality (sobornost) and symphonic personality. The author substantiates a thesis on the well-formed personal origin in Russian fairy tales, which indicates the inclusion of Russian culture (and legal culture, in particular) in pan-European culture. The phenomenon of universal human rights (expressed in modern language and with indulgence for immaturity of this institution at early stages of human development) is reflected in Russian tales to the full. The analysis of the tales' plots allows the author to argue that social differentiation and the volume of legal personality of characters largely depend on the genre of a fairy tale.

Keywords: legal culture legal consciousness, legal personality, human rights, social and legal status

Введение

При анализе проблемы отражения социально-правового статуса и правосубъектности героев русских народных сказок необходимо учитывать соотношение ценностей *индивидуализма* и *коллективизма*, так как эти ценности в первую очередь подчеркивают отношение не только к правам индивида, *но и к самому явлению прав человека как универсальной общечеловеческой ценности*. Такая постановка вопроса во многом является условной в связи с несформированностью института прав человека на многих этапах исторического процесса. Весьма точно по этому поводу выразился А. Бенуа: «Вплоть до Средних веков ни в одном европейском языке – как и в арабском, еврейском, китайском или японском, – нельзя было найти термин, который бы обозначал *отдельное* право как субъективный атрибут лица, отличный в таковом смысле от юридической дисциплины (права в *целом*)» [3, с. 67–68]. Вместе с тем в сюжетах русских народных сказок достаточно отчетливо выделены основные элементы, из которых (выражаясь современным языком) складывается индивидуальная правосубъектность. К таким элементам следует отнести статус субъекта, его право (или отсутствие такового) на личную свободу, основные права и обязанности в отношении других лиц, его положение в социальной (в том числе и семейной) иерархии, личные права, имущественные права, права и обязанности по отношению к государственной власти, возможные способы защиты своих прав (включая право на самозащиту вплоть до самоуправства).

Результаты и обсуждение

В вопросе соотношения общечеловеческих и национальных представлений о праве и правах человека в среде российских ученых отсутствует единство. Дискуссии на эту тему очень эмоциональны и политизированы. С методологической точки зрения понятие ментальности «позволяет соединить в одно духовное целое этапы правовой истории России, отдельные ее источники, институты, механизмы, сохраняющие, однако, на протяжении длительных исторических периодов “сквозные” правовые архетипы» [14, с. 224].

Вопрос об особом историческом пути России, о специфике «русского духа» и «русской идеи» стал предметом споров западников и славянофилов [4, с. 32]. Несмотря на непримиримость своих позиций, представители этих двух лагерей сходились в признании прогресса как ценности и в признании существенных особенностей жизни и самосознания нашего народа. Так, у Чаадаева отмечено: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось... Мы так удивительно шествуем по времени, что, по мере движения вперед, прожитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда» [17, с. 323, 326].

Ряд отечественных исследователей выступает против отношения к «общечеловеческой» идеологии прав человека как универсальной. Например, В. Н. Синюков полагает, что «общечеловеческий гуманизм» имеет существенные методологические недостатки, что права человека – не абстрактное понятие, а является категорией морали, человеческого духа, культуры, которая имеет конкретный смысл

в социально-экономическом, культурно-историческом, нравственном измерениях общества. Автор считает, что человекоцентристский гуманизм – один из вариантов ухода от живого человека, традиция формально-позитивистского истолкования сущности права и правопорядка, традиция западного права и правопорядка, традиция западного капитализма и его этической системы [14, с. 279]. Характерно его броское высказывание: «Прогресс личности никогда не совершался под лозунгами абстрактного величия и самоценности человека. наоборот, этому прогрессу всегда сопутствовала какая-либо идея социального блага общества, народного счастья, дававшая социуму цель, в том числе божественную, высшую духовную, а конкретным людям – смысл их жизни» [Там же]. Отвергая возможность реализации в нашем обществе идеи «общечеловеческого гуманизма» и отмечая такие характерные черты российского права, как «исконно человеческая природа», «надындивидуальность», нацеленность на поиск духовного смысла человека, В. Н. Синюков полагает, что права человека, истолкованные как человекоцентризм, есть отказ от традиции русского права, русской гуманистической идеи, что персонализация, десоциализация, денационализация, перевод личности в планетарное и внеисторическое измерения ведут к новому выхолащиванию прав человека [14, с. 281–283]. Взамен В. Н. Синюков предлагает найти «такой вектор, в котором личность приобретает свои духовные, социальные, неповторимо индивидуальные характеристики» [Там же, с. 285]. Следует заметить, что данная позиция имеет обоснованность и внутреннюю логику, основана на анализе правовой и культурной действительности российского общества. Вместе с тем ее автор, по большому счету, не предлагает четкой и ясной (подходящей для нашего общества) парадигмы прав человека. Вся его критика логична и обоснована (хотя и спорна), но не указана цельная, в той же степени логичная и обоснованная альтернатива.

Одним из ярких представителей универсального, общечеловеческого подхода к правам человека в отечественной юридической науке является выдающийся ученый-правовед С. С. Алексеев, который исходил из парадигмы перехода человечества к цивилизациям последовательно демократического, либерального типа [1, с. 678]. По его мнению, права человека выражают на языке права поворот в развитии человечества от традиционных к последовательно демократическим, либеральным цивилизациям, к персонцентристскому обществу... С. С. Алексеев полагал, что непреложные основные ценности, относящиеся к правам человека, рассматриваются ныне в качестве аксиоматических [1, с. 644]. Как одно из доказательств этого тезиса С. С. Алексеев приводит тот факт, что «основные, фундаментальные человеческие права, признанные мировым сообществом, непосредственно, причем независимо от воспроизведения или упоминания о них в национальных законодательных документах, *напрямую входят в содержание действующей юридической системы и имеют в стране непосредственное юридическое действие*» [1, с. 644]. И поэтому в современных условиях неотъемлемые права человека по своей юридической силе не только не уступают в современных демократических государствах установлениям национальных законов всех рангов, но и в принципе имеют по отношению к ним приоритетное юридическое действие [1, с. 645]. Оценивая уже сложившуюся практику международной защиты прав человека, С. С. Алексеев отмечает, что «нарушение прав человека в любой стране получает оценку в качестве деликта надгосударственного порядка. А это значит, что *права человека становятся действующим правом в глобальном отношении – на “наднациональном”, надгосударственном уровне*. И что, следовательно, права человека обладают, скажем так, *универсальной юридической силой*, и потому по вопросам прав человека утверждается идея *универсальной юрисдикции* [1, с. 676].

К сторонникам универсального общечеловеческого понимания прав человека относится А. П. Семитко. В своих работах он отстаивает персоналистский подход к правовым феноменам и рассматривает развитие правовой культуры как правовой прогресс. В частности, он отмечает: «... даже само появление права, правового сознания, правовой культуры связано с выделением из общинного социума личности, процессами индивидуализации культуры. Прогресс правовой культуры – это расширение объема прав и свобод личности, повышение уровня их защищенности. Правовое развитие идет от социоцентристского к персонцентристскому типу правовой культуры, то есть к такому, в центре которого стоит личность, ее права, свободы и законные интересы...» [13, с. 8]. Далее А. П. Семитко указывает что «развитие правовой культуры во всемирно-историческом масштабе – это закономерное, направленное, восходящее, то есть, в конечном счете, прогрессивное движение от социоцентристского к персонцентристскому типу» [Там же, с. 11]. Такое представление о прогрессе основано на признании универсальности идеи основных фундаментальных прав человека. Характеризуя статус данной идеи в западном обществе, А. П. Семитко отмечает: «Если 150 или 200 лет назад идея прав и свобод человека была на Западе весьма и весьма актуальной, то сегодня она, став неотъемлемым фундаментом западной правовой и политической культуры, не требует уже ни доказательств, ни каких бы то ни было дополнительных пояснений или подтверждений, хотя, разумеется, она сама по себе и различные ее производные и нюансы... внимательно исследуются...» [12, с. 91–92].

Оставаясь на позициях универсального подхода к феномену прав человека, обратимся к текстам русских народных сказок, с целью проанализировать их содержание на предмет отражения в них элементов правосубъектности личности.

В вопросе соотношения ценностей индивидуализма и коллективизма русские народные сказки показывают удивительную особенность, а именно: русские народные сказки в высокой степени персонифицированы, в центре сюжета всегда находится герой, обладающий широкой гаммой индивидуальных качеств, имеющий яркое описание. И на первый взгляд, в сказках почти не отражается тема соборности, коллективизма, не прослеживается архетип «симфонической личности», а наоборот – проявляется архетип «героя» [16, с. 22–25].

Из почти трехсот сюжетов сказок про животных, выделенных Н. П. Андреевым [2], только несколько отражают ценности коллективизма: 9. «Совместная работа»; 55. «Звери устраивают дороги»; 85. «Мышка, птичка и сосиска»; 159. «Звери откупаются от человека»; 222. «Война птиц и зверей»; 227. «Лиса и гуси»; 297. «Война грибов». То есть только в семи из двухсот девяноста девяти сюжетов сказок о животных отражены, в той или иной степени, ценности коллективизма. Причем в этих сказочных сюжетах не прослеживается, как таковое, подчинение индивида коллективу в ущерб его личным правам и интересам, не идет речь о противопоставлении индивидуальных и общих интересов (за исключением сюжета «Война грибов»). Главное в этих немногочисленных сказках – демонстрация преимуществ совместной работы или совместной борьбы. В остальных сказочных сюжетах о животных представлены разнообразные индивиды, обладающие яркими личностными качествами, имеющие индивидуальные законные и незаконные интересы, защищающие свои права, посягающие на права других, заключающие разнообразные сделки, устраивающие соревнования, апеллирующие к власти (254 – «Ерш Ершович»).

В сюжетах волшебных сказок, которых по указателю Н. П. Андреева выделено 449 [2, с. 26], можно увидеть еще более яркую картину. С определенной степенью условности к сказкам, отражающим коллективистские ценности, можно отнести

только один (!) сюжет: 513. А. «Шесть чудесных товарищей»: помощники (Объедало, Опивало и пр.) выполняют разные поручения вместо героя.

Среди легендарных сказок (по указателю Н. П. Андреева их около ста – с 750 по 849) нет ни одного сюжета, где бы отражались ценности коллективизма, более того, коллектив как явление в том или ином виде (община, артель, шайка разбойников и т. п.) вообще не фигурирует в сказках.

Среди новеллистических сказок (850–999) есть несколько, названных Н. П. Андреевым «О разбойниках и ворах» (950–974). В этих сказках в качестве основных героев выступает разбойничья шайка, но этот коллектив не имеет в данных сказочных сюжетах почти никакого описания: не отражена внутренняя иерархия, не описаны правила жизни разбойников и так далее.

В сказках о глупом черте (великане и пр.) (1000–1199) также нет ни одного упоминания о коллективе.

Пожалуй, самое большое количество сюжетов, где отражается коллектив, можно найти в анекдотах о пошехонцах (1200–1349 по указателю Н. П. Андреева): «Павел да Мартын, да Лукьян с Федолой, да Гаврило с Осипом – вот и вся пошехонская артель». При этом в данных сюжетах, как и в сказках о разбойниках, не описывается сам общинный уклад. Пошехонцы выступают как сборище наивных, глупых, вечно спорящих и кричащих людей. Коллектив здесь не выступает как ментальная ценность, его интересы не противопоставлены интересам индивида, пошехонская «артель» существует в сюжете анекдота как прием, применяемый для усиления комического начала. «Пошехонство – одна из мировоззренческих, психологических и поведенческих доминант, отражающая отрицательные черты национального характера и быта, сопровождаемая насмешкой. Смех носит отрицающий характер и за счет отрицания реализует дидактическую функцию: учит, как жить нельзя» [5, с. 27].

Далее, в сюжетах о супругах (номера сюжетов с 1350 по 1439 по указателю Н. П. Андреева), о женщинах (девушках) (1440–1524), о хитрых и ловких людях (1525–1639), о счастье по случаю (1640–1674), о дураках (1675–1724), о попах (1725–1874), в небылицах (1875–1999), в дополнениях к анекдотам и докучных сказках (2000–2099), об иноплеменниках (2100 и дальше) нельзя найти ни одного упоминания об общине или другом сформированном коллективе. Нет ни одного поучительного сюжета о силе сплоченности, о преимуществах жизни в ладу с миром (общиной), нет даже намека на дух соборности.

Исходя из вышеперечисленных фактов напрашивается вывод о том, что *русские народные сказки показывают полную противоположность выделяемым некоторыми исследователями архетипам соборности и симфонической личности* [15, с. 29]. Проявлениями этих архетипов являются и широкое распространение круговой поруки, и взаимная ответственность индивида и коллектива, характерные как для дореволюционной крестьянской общины, так и для колхоза [Там же].

Напротив, содержание русских народных сказок раскрывает индивида-героя в полной мере. Здесь можно увидеть его особенности, поступки, мотивы, правовые притязания, нарушение моральных и правовых норм, оценку его поступков. Можно сказать, что почти любой сказочный сюжет сосредоточен на *личности* (неважно, кто эта личность – человек, животное, волшебный персонаж или волшебный предмет). Это подчеркивает тезис о том, что сказочные сюжеты, имеющие в своей основе мифы, сформировались до возникновения основных особенностей российского правосознания. Но самым удивительным является тот факт, что обстоятельства, формирующие коллективизм российского общественного сознания (влияние православной церкви, монгольское иго, крепостное право, деспотизм царской власти и

т. д.), не породили сказочных сюжетов, отражающих коллективизм или соборность! Сказочные сюжеты сохранились как бы в неприкосновенности. Персонализм русских народных сказок подчеркивает тезис об их происхождении из общих для разных народов корней [9, с. 26], говорит о том, что самостоятельный субъект со своими характерными чертами и с комплексом принадлежащих ему прав является универсальной общечеловеческой ценностью, и, следовательно, феномен универсальных общечеловеческих прав человека (выражаясь современным языком и делая скидку на несформированность данного института на ранних этапах человеческого развития) в полной мере отражен в сюжетах русских народных сказок. Примеряя к русским народным сказкам тезис о слабости личностного и, следовательно, правового начала в российской культуре вообще [11, с. 98], можно увидеть, что личностное начало в русских народных сказках очень развито. Все это говорит о том, что русские народные сказки как элемент национальной культуры демонстрируют включенность русской культуры (и правовой культуры в частности) в общеевропейскую культуру.

При анализе основных прав и свобод субъектов – героев русских народных сказок необходимо обратить внимание на характеристику их социально-правового статуса. Он определяет правосубъектность героя, то есть объем его прав, обязанностей и законных притязаний. Социально-правовой статус зависит от вида героя русской народной сказки.

В сказках о животных (1–299 по указателю Н. П. Андреева) главные герои – звери и животные. Очевидно, что за образами зверей и животных стоят люди, наделенные особенными характерными чертами. Зверь в данном случае – это типичный образ, наделенный типичными чертами характера человека. Важное значение имеют не его личностные характеристики, а его статус, выраженный в правосубъектности, то есть в совокупности прав, законных притязаний и обязанностей. Характерной особенностью данных сказок является примерно равный социальный и, следовательно, правовой статус сказочных героев, притом что видов таких героев несколько: дикие животные, домашние животные, птицы, рыбы, грибы и насекомые. Указанные герои самостоятельно, на равных правах вступают в сделки, устраивают состязания, предъявляют друг другу претензии, посягают на личные и имущественные права, совершают расправу друг над другом. Характерно, что когда в сказках о животных в качестве героя представлен человек (150–199 по указателю Н. П. Андреева. «Человек и дикие животные»), то его социально-правовой статус ничем не отличается от статуса животных. Он не выступает в качестве «царя природы», а является равноправным субъектом, таким же как и животные, вступая с ними в сделки, обманывая их, спасаясь от них, заключая союзы. Пожалуй, несколько отличаются в отношении социального статуса немногочисленные сказки о птицах и рыбах. Такие сюжеты, как «Совет птиц» (220 А), «Суд орла над вороной» (220 В), «Выборы царя птиц» (221), «Ерш Ершович» (254), содержат описание государственной иерархии, где, к примеру в сказке «Орел и птицы», орел олицетворяет царскую власть и, кроме того, упоминается социальная иерархия: «Будь ты, сокол, барином, а сорока барыней» [10, с. 140–143]. Но таких сюжетов среди сказок о животных очень немного и в них почти не дифференцируется личный статус субъекта, не отражается объем его прав и обязанностей.

Совершенно иная картина видна в волшебных сказках (300–749). В них представлены очень разнообразные субъекты: 1) главный герой – царевич, Иван-дурак, Елена Премудрая, кузнец, солдат и другие; 2) царь (король), его сыновья (братья главного героя); 3) царевна (принцесса), невеста, дочь волшебного героя. 4) волшебные герои – кощей, змей, Баба Яга, черт и другие; 5) волшебные силы – растения, реки, озера, явления природы; 6) волшебные предметы (иногда). Учитывая

индивидуалистический характер русских народных сказок, отметим, что указанные выше герои существенно отличаются друг от друга по своему статусу и объему прав и обязанностей. Значительная разница в социально-правовом статусе видна в отношениях между царем, его сыновьями (при этом главный герой выделен как исполнитель особой роли в сюжете сказки, но не выделен как особый субъект, отличающийся от своих братьев другим объемом прав и обязанностей) и девушкой (невестой), которую нужно похитить или спасти. В данном случае различие статусов существенно и очевидно. Иногда, в единичных случаях, в волшебных сказках дается прямая и осознанная оценка социальной дифференциации: «Живут роскошные – и празднуют, живут горемычные – и трудятся; каждому своя доля!» [7, с. 227]. Или при описании сословного деления между мастеровыми людьми подчеркивается статус «мужиков»: «Тише воды, ниже травы будь, – особливо наше мужицкое дело» [10, с. 72]. Но при этом в волшебных сказках *почти не дифференцируются статусы волшебных героев и волшебных сил и предметов*. Волшебные герои, силы и предметы противостоят героям-людям, которые должны или бороться с ними, или договариваться, или помогать (получить помощь). То есть волшебная сторона – это равноправный «контрагент» для героя, находящегося с «человеческой» стороны. При этом данные субъекты безусловно наделены возможностью иметь и отстаивать свои личные и имущественные права, заключать договоры, применять силу, вступать в союзы. Поэтому представители сверхчеловеческих сил в русских народных сказках являются полноправными субъектами права, статус которых если и не определен, то находится не ниже статуса других субъектов.

В легендарных сказках (750–849 по указателю Н. П. Андреева) присутствуют уже другие субъекты. Основным из них является Христос (Бог), который зачастую завуалирован под персонажами с достаточно низким социально-правовым статусом: странник, бедняк, старик. Низкий социальный статус этих героев определен в основном по имущественному положению, в сказках не раскрывается именно правовой статус этих лиц, скорее всего эти герои являются обособленными от социума индивидуумами, не входящими в основную его иерархию, в определенной степени отторгнутыми обществом. Этим объясняется пренебрежительное отношение к ним со стороны богача (хозяина дома, к которому бедняк или странник просится на ночлег) или скупой хозяйки (750 В, 751 А, В, 751 I и II). Сам Христос (Бог) естественно выступает в качестве трансцендентной силы и не нуждается в описании своего статуса. Другие субъекты, выделенные в сюжетах легендарных сказок, – это упомянутый выше богач, с более высоким, прежде всего имущественным, социальным статусом, его жена, статус которой не так отчетливо описан вследствие ее «вспомогательной» роли в сюжете легендарных сказок, поп, статус которого идентичен статусу богача, черт, который также выступает в качестве трансцендентной силы, мать (детоубийца), отец, дети (в том числе и нерожденные), статус которых не определен вследствие особенного сюжета детоубийства (750 А, В, 765, 765 I, 781). Незрелость описания социального, в том числе и правового, статуса героев легендарных сказок обусловлена их сюжетной особенностью. Главным сюжетом этих сказок является совершение греха и последующее возмездие. Данные сказки носят исключительно религиозно-этический характер, показывают бренность всего мирского, в том числе и разделения людей по статусу (богач – бедняк), в определенной степени отрицают человеческие социальные установления.

В новеллистических сказках (850–999) социальная иерархия выделена более явно. В сказках, где герой женится на царевне (850–869), главная героиня представлена женщиной с очень высоким, почти недостижимым статусом. Добиться ее руки – задача высокой степени сложности для царевича, который равен ей по своему социальному положению. Согласие на замужество достигается путем сложных

испытаний. Вместе с тем несколько сказок содержат сюжет, где человек с низким статусом добивается ее руки (855. «Солдат и царевна»). Есть даже еще более сатирический сюжет, в котором, благодаря деньгам («с деньгами все возможно») и переодевшись козлом, герой добивается руки царевны (854. «Золотой козел»). В этих сказках как раз подчеркнут неравный социально-правовой статус, который, являясь *незыблемым*, преодолевается главным героем благодаря его смелости, смекалке и, собственно, сказочности сюжета. Аналогичный сюжет содержится в сказках, где девушка выходит замуж за царевича (870–879). Подчеркивая значимость высоких моральных качеств персонажей (девушек) с менее высоким статусом, эти сказки выделяют саму социальную дифференциацию. В сюжетах верности и невинности (880–899) в качестве героев выступают муж и жена. В данных сюжетах подробно не описаны права и обязанности супругов – акцент делается на этических нормах семейной жизни. Вместе с тем здесь показан равный социально-правовой статус мужа и жены, взаимные обязанности по отношению друг к другу, даже в том случае, когда основой брака выступает покупка жены (887 I. «Купленная жена»), что является, скорее, исключением. Однако совершенно иная картина представлена в сюжетах «Муж исправляет жену» (900–904). В этих сказках показана власть мужа над женой, его право наказывать супругу, наставлять на истинный путь. В сюжете «Гордая невеста» (900) царевна высмеивает всех женихов; отец в наказание отдает ее в жены нищему; гордость ее унижена (она торгует горшками и т. п.), и, что очень важно, понизился ее социальный статус, а значит, изменился и правовой; нищий оказывается царевичем, над которым она смеялась. В сюжете «Исправление ленивой» (901 В) муж заставляет ленивую жену работать; наказывает тещу за дурные советы (пашет на ней). То есть здесь прослеживается неравный, подчиненный статус жены, ее подчинение власти мужа, даже если жена – царевна, а муж – нищий. Также в новеллистических сказках фигурируют в качестве героев разбойники (950–974. «О разбойниках и ворах»), которые, как и в реальной жизни, представляют собой субъектов с аномальным правовым статусом, людей, вычеркнутых из социума, убийство которых одобряется рассказчиком (952, 953, 956 А, В, 959, 961, 967). При этом отдельный вор как герой сказки – скорее положительный персонаж – умный, сообразительный, ловкий (951. «Царь и вор»). В случае, когда вор фигурирует как отдельный индивид и наделяется рассказчиком положительными чертами, проявляется нигилистический характер сказки, отражающий борьбу с устоявшимися неравенством и несправедливостью. Такие сказки выполняют функции социально-психологической компенсации.

В группе сюжетов о глупом черте (1000–1199) сам черт как субъект не наделен каким-либо объемом прав и обязанностей. Он является волшебным героем, противостоящим человеку (солдату, кузнецу). Как и в волшебных сказках, в данном случае наблюдается равенство статусов человека и волшебных героев. Они как бы выступают равноправными «контрагентами», заключающими между собой сделки, соревнуясь, совершая совместную работу, обманывая друг друга. В этом случае происходит процесс персонификации, одушевления волшебных сил природы, примерка правового статуса реального человека на несуществующее существо, на силы природы. В третьем разделе указателя сказочных сюжетов – «Анекдоты» (1200 и далее) – можно встретить еще несколько персонажей. К примеру, упомянутых выше пошехонцев (1200–1349). Эти субъекты не наделены каким-либо особым статусом, а выступают как коллективный объект насмешек. Как правило, это незадачливые работники, глупые, скандальные, крикливые. Нет в сказках указания на их социальное положение и происхождение. В сюжетах о супругах (1350–1439) вновь представлен примерно равный статус мужа и жены, но при этом жена зачастую описана как ленивая, или глупая, или хитрая, или докучная. Что только кос-

венно может свидетельствовать о неравенстве статусов супругов, учитывая обязанность мужа наставлять свою супругу на путь истинный.

В сюжетах о хитрых и ловких людях (1525–1639 по указателю Н. П. Андреева) представлены следующие герои: 1) вор; 2) барин; 3) мужик (хитрый); 4) солдат; 5) купец; 6) работник; 6) судья, адвокат; 7) царь; 8) шут (Баликириев). При всем разнообразии персонажей сюжетная линия выстроена вокруг противостояния жадного, глупого богача и хитрого, смекалистого бедняка. Здесь в очередной раз в качестве положительного или удачливого персонажа выступает вор, который благодаря своей смекалке и ловкости оказывается в выигрыше. Примечательно, что в качестве индивидуального персонажа вор, как правило, является положительным героем (1525 А-Ж), но если воры выступают в сюжете сказки как группа, то они являются отрицательными персонажами (1525 Д; 1527). Социальный статус вора понятен – он человек низкого статуса, находящийся под постоянной угрозой возмездия. Между тем нигилистический сюжет сказки позволяет ему одерживать победу в соревновании не только с богачами, но и с властью в лице царя, городничих, судьи. В данном случае его правосубъектность не определена по двум причинам: во-первых, вор – субъект, находящийся вне закона, прав у него нет, есть только обязанность понести наказание; во-вторых, *нигилистический сюжет сказки сам по себе во многом отрицает правопорядок и правосубъектность как его составную часть*. В других сказках, где ловкими и хитрыми героями выступают хитрый мужик, солдат, работник, шут, нет подобного категорического отрицания социального (в том числе и правового) порядка. Поэтому статус главных героев отличается от статуса вора – по крайней мере, они находятся «по эту сторону закона», – но остается достаточно низким. Все они – простолюдины. И главная социальная цель этих сказок заключается в описании умственного и морального превосходства людей с низким статусом перед властными и богатыми людьми. Отражение социальной иерархии в сюжетах данных сказок позволяет выполнить компенсаторную функцию, примирить людей с действительностью. Идентичные сюжеты содержатся в сказках о попах (1725–1874), в которых прослеживается аналогичное противостояние: поп (попадья, дьяк, дьячок) – мужик (работник), заканчивающееся победой мужика (работника).

В небылицах (1875–1999) героями являются люди, животные, предметы, явления природы, природные объекты. Но в этих сказках полностью отсутствуют ссылки к социальной иерархии вследствие сюрреалистичности сюжетов.

Очень интересные субъекты представлены в анекдотах об иноплеменниках (2100 и далее). Здесь в качестве героев описаны немцы (2103, 2132–2134), цыгане (2104, 2105, 2107–2111), евреи (2115–2122), татары (2100–2102, 2125, 2126), мордвины (2127–2129), чуваш (2130), черемис (2131) и украинец (2140). Данные сказки в определенной степени националистичны, представляют иноплеменников в качестве недалеких, хитрых, наглых, диких людей. И очевидно, что, вступая в соревнование или иное мирное противостояние с русским человеком, они его проигрывают, так как русский оказывается более смекалистым, хитрым, сильным, более «цивилизованным». По всей видимости, данные сказки отражают многонациональный характер русской жизни, тем не менее они косвенно обособляют иноплеменников от русского народа. Причем такое обособление не отражено в русских народных сказках напрямую, наоборот – иноплеменники выступают как равноправные субъекты наравне с русскими: они заключают сделки, соревнуются, защищают свои имущественные права и т. п. Неравный статус иноплеменников проявляется только лишь косвенно, через отрицательные черты личности и через характеристику со стороны рассказчика и других героев.

Полагаем, что отдельного внимания заслуживает отражение правосубъектности женщины. В этом смысле сказки очень неоднородны и показывают противоположные ситуации. Проанализировав сказки о животных (1–299 по указателю Н. П. Андреева), мы пришли к выводу, что женщина как субъект отражена в лице одной из самых известных героинь – лисы. Этот персонаж носит явно выраженный гендерный статус, то есть за ним стоит образ женщины. Самое примечательное то, что, как мы указывали ранее, лиса – вполне равноправный субъект сказки, который не уступает по объему прав другим героям сказок о животных. Она независима, совершенно на равноправных условиях может заключать сделки, требовать защиты своих прав или осуществлять их самозащиту, вступать в спор или соревнование. Единственным исключением является сюжет, где лиса представляется женой «знатного» кота (бургомистрова жена) [7, с. 36]. А в остальном – это вполне самостоятельный и равноправный субъект. Такими же равноправными и независимыми субъектами являются другие гендерно ориентированные герои: муха, мошка, лягушка, курочка, осина и другие.

В волшебных сказках все выглядит совершенно иначе. В них встречаются и равноправные женские персонажи.

Во-первых, это представительницы потустороннего, волшебного мира. К ним относятся многочисленные ведьмы, Бабы Яги, колдуньи, царицы и царевны волшебных царств, волшебные предметы: шкатулки, зеркальца, печки и т. п.; все они вполне самостоятельны и равноправны с другими героями. Если они вступают в отношения с героем – представителем человеческого мира (Иван-Царевич, солдат, богатырь), то в этих отношениях никак не подчеркивается их социальный статус, это вообще не акцентируется, не отражается ни прямо, ни косвенно.

Во-вторых, такими равноправными субъектами являются главные героини: Василиса Премудрая, Елена Прекрасная и так далее. Они вполне активны, самостоятельны, обладают обширным перечнем прав (за исключением сюжетов, где они подвергаются похищению).

Но в волшебных сказках есть такие женские персонажи, статус которых противоречив. Речь идет о царевнах, царицах, девушках, невестах. В некоторых сюжетах они не только самостоятельны (могут выбрать жениха, решить, нужно ли им замуж или нет), но и обладают очень высоким статусом. Добиться их руки можно только пройдя испытание, и это является высокой честью. С другой стороны, большая часть сюжетов русских народных сказок содержит тему похищения невесты, которое служит основанием для заключения брака. Причем в данном случае похищение не имеет отрицательной оценки, в отличие от похищения девушки представителем злых сил – драконом, змеем, кощеем. В этом сюжете содержится указание на преступление (посягательство на свободу). Таким образом, заключение брака через похищение отражено в сказках как абсолютная норма, что подчеркивает неравноправный статус женщины. Примечательно то, что в древнерусской действительности похищение девушки расценивалось как дикость, то есть не было нормой. Характеризуя «звериные» обычаи древлян, Нестор указывал: «А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды» [7, с. 9]. Другой способ заключения брака – выдача замуж – также не носит добровольного характера и отражает социальное неравенство мужчин и женщин. В итоге можно сказать, что в волшебных сказках в отличие от сказок о животных прослеживается большая социальная дифференциация. В результате анализа содержания волшебных сказок нами сделан вывод о явной взаимосвязи сказочного жанра и объема правосубъектности женщины.

В легендарных сказках (750–849), новеллистических сказках (850–999), сказках о глупом черте (1000–1199), анекдотах (1200 и далее) можно наблюдать еще

большую дифференциацию правосубъектности женщины. В этих сказках в виде таких субъектов выступают: жена (попадья), дочь, девушка, невеста, старая дева. Правовой статус каждого из перечисленных субъектов существенно отличается друг от друга. В чем они равны между собой и даже по сравнению с мужчинами, так это в возможности совершать разнообразные сделки. В этом вопросе сказки допускают широкие возможности для женщин. И вообще, имущественные права, как наиболее универсальные, в равной степени принадлежат как женщинам, так и мужчинам. Но на этом гендерное равенство в вышеперечисленных сказках заканчивается. В большей степени соотношение правосубъектности мужчин и женщин отражено в сказках о супругах (1350–1439) и о женщинах (девушках) (1440–1524). Делая скидку на морально-этическое содержание сказок, находим в них отражение подчиненного, неравного статуса женщины, которая хоть и может отстаивать свои права, поучать мужа, принимать решения, но, вместе с тем, должна следовать его воле, выказывать уважение. Характерно, что в большинстве сюжетов представлен положительный муж и неверная, ленивая, глупая, хитрая жена. Показательны такие характеристики: «У бабы и волос длинен, да ум короток» [10, с. 53], «...потому русская пословица: баба черт, овечий хвост» [Там же, с. 62]. В данных сказках в полной мере отразилось гендерное неравенство, которое оценивается рассказчиком и героями (в том числе и женщинами) как норма.

Заключение

В качестве вывода стоит отметить, что объем правосубъектности героев русских народных сказок зависит от их социального статуса. При этом сами русские народные сказки показывают в этом вопросе существенную неоднородность. В сказках о животных представлены субъекты с равным правовым статусом, даже если в качестве одного из субъектов выступает человек. В этих сказках отражены в основном имущественные права, личные права представлены только в виде права на жизнь (свою или своих детей). В волшебных сказках уже начинает проследиваться некоторая дифференциация, проявляется социальное неравенство. Причем это неравенство относится к «миру людей», волшебная же сила выступает в качестве однородного образования и соизмерима по правовому статусу с героями-людьми. В волшебных сказках возрастает количество описываемых прав субъектов: появляются права на личную свободу и личное достоинство. Большую степень неравенства и иерархии можно обнаружить в легендарных и в новеллистических сказках и сказках о глупом черте. Они носят более бытовой характер и, следовательно, точнее отражают социальную действительность. И наконец, самая развитая социальная дифференциация видна в анекдотах, то есть рассказах о супругах, о женщинах (девушках), о попах, о хитрых и ловких людях, об иноплеменниках. Эти сюжеты носят полностью бытовой характер, еще точнее отражают социальную действительность и, соответственно, социальную иерархию.

Анализ социального статуса и правосубъектности героев русских народных сказок позволяет прийти к следующим выводам:

1. Элементами правосубъектности в русских народных сказках являются: статус субъекта, его право (или отсутствие такового) на личную свободу, основные права и обязанности в отношении других лиц, его положение в социальной (в том числе и семейной) иерархии, личные права, имущественные права, права и обязанности по отношению к государственной власти, возможные способы защиты своих прав (включая право на самозащиту вплоть до самоуправства).

2. Русские народные сказки в высокой степени персонифицированы: в центре сюжета всегда находится герой, обладающий широкой гаммой индивидуальных качеств, имеющий яркое описание.

3. Феномен универсальных общечеловеческих прав человека (выражаясь современным языком и делая скидку на несформированность данного института на ранних этапах человеческого развития) в полной мере отражен в сюжетах русских народных сказок

4. Личностное начало в русских народных сказках очень развито. Это говорит о том, что русские народные сказки как элемент национальной культуры демонстрируют включенность русской культуры (и правовой культуры в частности) в общеевропейскую культуру.

5. Социальная дифференциация и объем правосубъектности героев в значительной степени зависят от жанра сказки.

Информация об авторе

Юлия Евгеньевна Попова, аспирант 3-го курса, АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия).

Научный руководитель: Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, профессор, АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Yulia E. Popova, third-year Postgraduate Student, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Supervisor: Alexey P. Semitko, Dr. Sci. (Law), prof., Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Список источников

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Норма, 2001. 752 с.
2. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Н. П. Андреев ; Гос. русское географическое о-во, Отд-ние этнографии, Сказочная комиссия. Ленинград : издание Гос. русского географического о-ва, 1929. 118 с.
3. Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / пер с фр. С. Денисова. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2016. 145 с.
4. Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века ; Судьба России. М. : Сварог и К, 1997. 540 с.
5. Берсенева Л. А., Федорова А. В. «Сказка о пошехонцах» в композиционной структуре повести В. И. Белова «Привычное дело» // Рябининские чтения – 2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2019. С. 497–499.
6. Великорусские сказки : сборник А. М. Смирнова : в 2 кн. Кн. 1. Иваново : Роцца, 2019. 558 с. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 9).
7. Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева. М., 1982. 319 с.
8. Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева ; примеч. О. В. Творогова ; худож. М. М. Мечев. Петрозаводск : Карелия, 1991. 190 с.
9. Пропп В. Морфология сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с.
10. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки : сборник Е. А. Чудинского ; Народные сказки, собранные сельскими учителями : сборник А. А. Эрленвейна. 2-е изд. Иваново : Роцца, 2017. 268 с. (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 11).
11. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1996.
12. Семитко А. П. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2017. Т. 17, вып. 1. С. 83–105. DOI 10.17506/tyipl.2016.17.1.83105.
13. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА : Изд-во Гуманитарного университета, 1996. 316 с.
14. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М. : Норма, 2014.

15. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Российский правовой архетип: сущность и содержание // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2, № 4 (5). С. 28–33.
16. Тюрин М. Г. Архетипы национальной правовой культуры : автореферат дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2008. 30 с.
17. Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. М. : Наука, 1991. Т. 1. С. 320–338.